

Россия: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Виктор Владимирович Уфимцев, доктор социологических наук, проректор Уральского института коммерции и права по научной работе, профессор кафедры политологии и социологии ИППК при Уральском государственном университете

*«Вот так, вот так живут Америка, Европа
Вот так, вот так, ну а у нас все...»*

И. Тальков

На страницах журнала «Политические исследования» весь предыдущий год шла дискуссия по вопросу российского выбора: выбор либерально-демократической модели сделан, отсрочен, отменен? В этой дискуссии принял участие и автор данных строк.² В данной статье мне пришлось усомниться в том, что нынешний вектор развития нашей страны в соответствии с либерально-демократической моделью соответствует изначальному добровольному выбору его общества.

Да, либерально-демократическая модель предпочтительна, но как воплотить ее в жизнь на отечественной почве, какой ценой, с какими издержками и потерями? Вторую часть проблемы вольно или невольно скрыли от доверчивого населения, предполагая облегченный путь продвижения к данной модели.

Даже если выбор и был, то теперь, после прошедших парламентских и президентских выборов видно, что ни о какой либерально-демократической модели, которую якобы выбрало население, говорить не приходится. Действительно, о каком демократическом выборе может идти речь, если партии либерального толка остались за бортом Государственной Думы, о реализации какой либерально-демократической модели можно сейчас говорить, когда ни одна из демократических партий в парламент не прошла? Как тут не вспомнить слова великого русского эмигранта философа и правоведа Ивана Александровича Ильина: «Они не знали своего Отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией».³

Как в свое время Иисус изгнал торговцев из хра-

ма, так и народ, образно говоря, изгнал либеральные партии из Государственной Думы, справедливо связав с их деятельностью свои беды и обманутые ожидания на протяжении всех лет либерального реформирования. По существу, народ выполнил роль матроса Железняка, объявив упомянутым партиям о том, что он, народ, устал ждать, а время этих партий закончилось.

Мы еще раз стали свидетелями того, как иноземные теоретические конструкции «сыпятся» на иностранной почве, такой, каковой является отечественная социальная почва. Это в полной мере относится к западным теориям и политической модернизации, и политического размежевания и т.д.

Таким образом, народ сделал заявку на существенную корректировку избранного курса. Не пора ли всерьез оглянуться и присмотреться к альтернативному опыту?

В принципе, не отвергая возможность реализации на российской почве либерально-демократической модели, мы вынуждены констатировать, что время для реализации цивилизованного либерально-демократического проекта — упущено. Нет уже того законопослушного субъекта, какой был в начале перестройки, с помощью и при участии которого можно было бы данную модель реализовать. Этому не позволяет также и экономическая разруха (слабая экономика — слишком большая роскошь для демократии).

Все это говорит о том, что либерально-демократический эксперимент в нашей стране блестяще провалился, а теперь, в связи с волеизъявлением населения на парламентских и президентских выборах, и закончился.

Таким образом, время диктует, что вперед надо двигаться в соответствии со своими традициями, социальными условиями, а не путем бездумного копирования чужеземных моделей. Либерализм — сама по себе не плохая идеология, но при практическом воплощении ее принципов на российскую почву — родились уродливые, гипертрофированные плоды. Уход государства из той или иной сферы привел не к цивилизованным формам хозяйствования, социальной жизни и т.д. В освоившиеся ниши пришел не добропорядочный индивид со своей социально ориентированной экономикой; нишу заняли асоциальные элементы, криминальные структуры. В экономической сфере — это рэкет, впоследствии переросший в устойчивые преступные группировки, взявшие под свой контроль целые отрасли и финансовые потоки подавляющего числа российских коммерческих банков; в духовную сферу широко проникли некогда находившиеся в «подвале» субкультуры, в том числе криминального характера, тоталитарные секты и т.д.; в социальной сфере — широкая пропаганда альтернатив семье («голубые», «розовые» и т.д.).

В этой связи все актуальнее звучит вопрос о совместимости демократии и либерально-плюралистических ценностей, утвердившихся в западном мире, с менталитетом традиционных восточных обществ. В развернувшейся по этому

поводу полемики в США главным оппонентом идеи универсальной применимости западных ценностей выступает лидер Сингапура Ли Кван Ю, бывший до 1990 года премьер-министром этой страны.⁴

Суть взглядов Ли Кван Ю и его сторонников в том числе и в самих США мы могли бы свести к следующим основным положениям:

Во-первых, успехи Сингапура и других стран азиатско-тихоокеанского региона приписываются разумной этатистской политике, отвергающей принципы «общества вседозволенности»;

Во-вторых, отвергаются как совершенно неприемлемые целый ряд элементов американской системы и связанные с ними побочные явления (распространение огнестрельного оружия, наркотиков, преступность, бродяжничество, непристойное общественное поведение и т.п.);

В-третьих, расширение прав индивидуума, по мнению вышеназванных оппонентов, до такой степени, что он волен вести себя так, как ему заблагорассудится, нанесло ущерб порядку в Западном обществе;

В-четвертых, главной целью общества должно быть обеспечение порядка;

В-пятых, недопустимо поощрять альтернативы нормальному устройству семьи и отказываться от испытанной нормы — семейной ячейки, так как именно на ней строится общество;

В-шестых, западные средства массовой информации, по мнению оппонентов, и активисты движения за права человека навязывают общественному мнению абстрактные концепции без учета уникальных культурных, социальных, экономических и политических особенностей той или иной страны.

Таким образом, отвергается универсальный характер западных ценностей.

Функциональные элементы менталитета традиционного общества восходят к глубиной древности, но впоследствии они были закреплены установками религии. И правильно, на наш взгляд, утверждает Г.И. Мирский в работе «Авторитаризм и демократия: две модели»: «Авторитарные и антилиберальные по существу, эти традиционные черты менталитета прочно укрепились в обществе, и было бы неразумно трактовать их как нечто, свидетельствующее о «недозрелости», «недоразвитости» восточных обществ».⁵

Все-таки приходится признать, что существуют глубокие культурно-цивилизационные различия между Западом и Востоком. Мы не хуже, мы не лучше, мы другие. Данные различия не обязательно должны вести к их конфронтации, но они определяют те особые, во многом не совпадающие пути, по которым идут Запад и Восток.⁶

По мнению Г.И. Мирского, унифицировать мир не удастся, и такие понятия, как «имитационная модель» или «догоняющее развитие» не могут указать перспективу развития человеческих обществ.⁷

Но все-таки, в положениях, претендующих доказать исключительное своеобразие «восточной модели», отвергающей «западные ценности», есть много преувеличений.⁸

Думается, прав П. Штомпка, который утверждает: «...необходимо серьезно продумать новую концепцию современности и теорию модернизации».⁹ И такие усилия действительно в настоящее время предпринимаются. В частности, рассматриваются следующие основные положения.¹⁰

1. В качестве движущей силы модернизации уже

не рассматривается сугубо политическая элита, действующая «сверху». Главными агентами модернизации в настоящее время признаются общественные движения и харизматические лидеры.

2. Модернизация уже не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, цепляющемуся за традиционные ценности. Речь идет о массовом стремлении граждан изменить условия жизнедеятельности в соответствии с западными стандартами под влиянием средств массовой коммуникации.

3. На смену акцентирования эндогенных имманентных факторов модернизации приходит осознание роли экзогенных факторов, включая мировую геополитическую расстановку сил.

4. Признается, что западная модель развития — не единственный образец, которому нужно подражать во всем.

5. Унифицированный процесс модернизации заменяется ее более разнообразным, многоликим процессом.

6. В целом картина модернизации становится менее оптимистичной, при этом прослеживается стремление избежать наивного волюнтаризма некоторых ранних теорий.

7. Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, культурных кодов и т.д.

8. Признается, что региональные традиции могут таить в себе важные модернизационные потенции.

9. Продолжается решаться дискуссионный вопрос, поставленный сторонниками «большого скачка» (Сакс, Аслунд, Бальцеревич) и сторонниками «постепенности».

10. Признается наличие идеологического кризиса в «обществах» — моделях развитого Запада.

Таким образом, беда всех наших младореформаторов заключается в том, что не зная России, не обращая внимания на ее традиции, социокультурные основания, была произведена попытка поставить Россию на западный путь развития, по западным же рецептам, но ничего из этого не вышло и не могло выйти.

Интересно, что еще в 1989 году З. Бжезинский в работе «Большой провал» сравнивая горбачевскую перестройку с реформами Дэн Сяопина в Китае, предвещал успех последних и неуспех горбачевскому проекту.¹¹

Можно вычленив основные пункты, по которым сравнение вылилось явно не в нашу пользу:

1. Китайцы опередили СССР в стремлении к обновлению и модернизации.

2. В КНР была более очевидна общественная восприимчивость к переменам.

3. В отличие от русских, как писал З. Бжезинский, «китайцы обладают предпринимательским талантом».

4. Китай, в отличие от СССР, национально однородная страна.

5. В отличие от русских, китайцы считают себя представителями особой цивилизации.

6. Реформы в КНР более соответствуют культурным традициям страны.

7. Уверенность китайцев в превосходстве своей культуры.

8. У китайцев нет плохо скрытого комплекса неполноценности по отношению к Западу.

Бжезинский не пишет, но подспудно можно понять, что у русских есть плохо скрываемый комплекс неполноценности по отношению к Западу.

9. Проникновение в китайское общество конфуцианской системы мышления и ценностей.

Комментарии, как говорится, излишни. Еще З. Бжезинский упоминает о том, что во главе реформ стоял в Китае не кто иной, как Дэн Сяопин. М.С. Горбачев в этом контексте не был упомянут.

Вообще, у России существуют свои характерные особенности политической модернизации, свойственные только сугубо ей. Этого не захотели видеть реформаторы. Выделим эти особенности:¹²

1. Влияние внешнего фактора на возникновение и протекание процесса модернизации.

2. Индустриальное сближение с Западом сопровождалось одновременно усилением социального сближения с Востоком. То есть заимствование западных индустриальных технологий сопровождается традиционно усилением заимствования восточных традиционных технологий.

3. Наличие идейного и социокультурного раскола на процесс осуществления отечественной модернизации, преодоление которого часто носило насильственные формы.

4. Недостаточно развитая и недостаточно независимая от власти религиозно-цивилизационная основа.

5. Готовность большей части населения на протяжении столетий подчинять личные интересы групповым, коллективным, классовым, общественным интересам.

6. Субъектом модернизации в России истари выступало государство, озабоченное достижением паритета с Западом.

7. Расхождение между интерпретацией процесса модернизации со стороны реформаторской элиты (управленческой и культурной) и массовыми интерпретациями модернизации.

Модернизация как проблема способности общества к цивилизованному переходу, оказывалась до сих пор неразрешимой проблемой. Одна из главных причин этого видится в социокультурном расколе общества. Российское общество не решило проблему модернизации, так как не смогло построить диалог между различными формами ее интерпретации, между потребностями в благах, потреблении, потребностями в развитии человека как субъекта социокультурного творчества, единственного источника удовлетворения потребностей в благах.

Теперь попытаемся из всего вышеизложенного вычленим основные составляющие модели модернизационного перехода российского общества, взяв за основу социокультурный аспект:

1. Осуществление перемен должно происходить на основе своей самобытности, собственной социокультурной базы.

2. Сохранение необходимых пропорций между индустриальным сближением с Западом и социальной ориентацией на Восток.

3. Цивилизованное преодоление идейного и социокультурного раскола в обществе на процесс осуществления политической модернизации.

4. Налаживание позитивного диалога между различными социокультурными группами в процессе осуществления политической модернизации.

5. Создание условий для развития независимой от власти религиозно-цивилизационной основы.

6. Повышение уровня и статуса государственных

институтов как субъектов модернизации.

7. Развитие традиционной культуры, преодоление социокультурной люмпенизации.

8. Усвоение широкими слоями общества глубинных ценностей модернизации (трудовая аскеза; перемены в структуре деятельности, хозяйства и управления; нравственное содержание культуры; стиль жизни и человеческих отношений; мораль раскрепощенного производителя и т.д.).

9. Преодоление комплекса неполноценности по отношению к Западу.

10. Выработка и формулирование объединяющей общества идеи – философии обновления.

Данные составляющие модели модернизационного перехода в условиях практического воплощения в жизнь модернизационных преобразований, становятся и критериями оценки процесса перехода.

В настоящее время вопрос дальнейшего развития России касается не столько того, каким путем, через какую идеологию в Россию придет свобода, демократия, сколько того, каким путем будет восстановлена на массовом уровне трудовая этика. К народу, оказавшемуся неспособным к внутреннему самоограничению, ограничение рано или поздно приходит извне, будь то криминалитет, либо государство в лице харизматического лидера. Из двух зол надо выбирать меньшее, народ это и выбрал на прошедших парламентских и президентских выборах.

Таким образом; необходимо отвергнуть универсальный характер западных ценностей, европоцентристской модели; продвижение вперед должно осуществляться в соответствии с отечественными традициями, условиями, на основе собственной социокультурной базы. Основным субъектом модернизации традиционно на обозримую перспективу должно оставаться государство теперь уже в лице харизматического лидера и его широкой общественной поддержки. Национальные и региональные традиции несут в себе большой модернизационный потенциал и их надо использовать в процессе осуществления модернизационных преобразований. А в целом, идентификация траектории, по которой движется реформируемая Россия, еще ждет своего разрешения.

¹ См.: ПОЛИС. 2003. № 1,2,4,6. 2004. № 1.

² Уфимцев В.В. А был ли выбор? // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 165 – 168.

³ Ильин И.А. Наши задачи / Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 130.

⁴ См.: Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели // ПОЛИС. 1996. № 6. С. 136 – 144.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же С.143.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М., 1996. С 181.

¹⁰ См.: Там же С. 181 – 184.

¹¹ См.: Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. Нью-Йорк. 1989.

¹² См.; более подробно: Уфимцев В.В. Социальное управление и политический режим: диалектика взаимодействия. Екатеринбург. 2003.